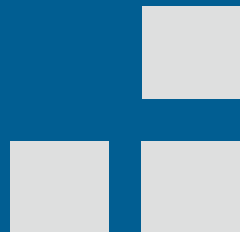

ВСЕВО
ЛОДКО
НСТА
ТИНОВ

КОНСТАНТИНОВ ВСЕВОЛОД КОНСТАНТИНОВ ВСЕВОЛОД КОНСТАНТИНОВ ВСЕВОЛОД КОН

седьмой путь • седьмой путь • седьмой п

Воймега

серия «приближение»

ВСЕВОЛОД КОНСТАНТИНОВ

СЕДЬМОЙ ПУТЬ

Москва
«Воймега»
2004

УДК 821.161.1-1 Константинов
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
К65

В. Константинов

К65   Седьмой путь. — М.: Воймега, 2004. — 68 с.
(серия «Приближение»).

ISBN 5-7640-0018-1

© В. Константинов, 2004.
© С. Труханов, оформление, 2004.
© А. Переверзин, автор проекта, 2004.
© «Воймега», 2004.

• • •

Ты говоришь, что тигр есть Тигр,
И он тебя почти настиг.
А я от бабочки бежал,
Но было некуда укрыться,
И крыльев маленьких пожар
Мне до корней спалил ресницы.
Она мне метила в глаза,
Но защитила их слеза,
И вымывала лёд и синь,
Покуда пыльную полынь
Я не увидел пред собой,
Копытце с гиблою водой
И соль земли, в которой нет
Особо красочных примет.

1996

ОТЦЫ

Скользит по льду пустая банка,
А ветер в горлышко свистит,
И малолетняя пацанка,
Не отогревшись спозаранку,
В потёртой курточке летит.

О, тут такие были свадьбы —
Гуляли на семи холмах.
В ограде рухнувшей усадьбы
И нынче петь бы и плясать бы,
Да жизнь теряли впопыхах.

В промёрзших до костей вагонах,
В порыве населить Сибирь,
На бесконечных перегонах
Шутили о любимых жёнах,
Помешивая чифирь.

Предпочитали спирт — за скорость,
Ценили ружья и меха.
Пейзажи их — не речка, колос,
А станционный уголь, морось,
Сталелитейные цеха.

Они исчезли. Кто в дороге,
Свернув машину в буерак,
Кто в богучановском остроге,

Кто у подруги на пороге,
А большинство за просто так.

.....

Постылый грунт и хлопья снега,
Внизу тягучая река
Уносит к устью два ковчега,
Где без еды и без ночлега
Дежурят два плотовщика.

Их не узнает тот ребёнок,
Он и не видел их в живых,
Мчась переулочком спросонок,
Как и отцы, упрям и звонок
Во всех движениях своих.

Сестра! боюсь, такой любовью
Не будет утолен никто.
А ветер взламывает кровлю.
Я не хотел так жить, но с кровью
Не совладаешь ни за что.

1997

Попутчик

Прошедший день не наверстать.
Уже готов ночлег.
Кому о жизни рассказать?
А вот и человек.

И он в Сибирь, и я в Сибирь.
На станции глухой,
Мешая молотый имбирь
С карманной шелухой,

Срывая собственный спектакль
Из подорожных средств,
Я вверх подбрасывал пятак,
Но падал интерес

К рассказу о себе, о том,
Как я к невесте шёл,
Но прошагал подъезд и дом,
Где накрывали стол,

Где ждали гости и она,
Где пол и потолок.
Но эта слабая весна, —
Я без нее не мог.

Итак, попутчик, ты лишён
Возможности узнать,
Как раздувался капюшон
И я летел как тать

По снегу талому, в лицо
Балтийский ветер дул,
Всё завертелось в колесо,
И начался разгул.

Вот сел я в поезд впопыхах,
Входила в ритм душа,
Но я усиливал размах,
По тамбуру кружа.

Куда несло меня? — не знал.
Но к ночи отлегло.
И вот — бревенчатый вокзал,
Замёрзшее стекло.

Опять зима?! Попутчик, спи,
Что говорить с тобой.
А лучше печку растопи
Да водочку открой.

25 января 1997

Где-то

В незапамятной дыре
между Курском и Орлом
поезд долго не стоит.
По колёсам молотком
кто-то сумрачный стучит,

задувает свечечный
и скрывается во тьме.
Ты немного здесь постой
и подумай о зиме
мыслью скучной и пустой.

Потому что степь твой путь,
будто время, облегла,
потому что не уснуть
у вагонного стекла,
потому что будет дуть
грубый ветер до утра...

Поезд начал отходить,
и теперь пришла пора
этот вечер позабыть,
как другие вечера.

1995

• • •

Скрипят железные ворота,
И ветер, ветер во плоти
В глухом пальто вполоборота
Стоит и не даёт пройти.

Крути послушных мельниц крылья,
Коси прилежные луга,
Но повторенья и бессилья
Не требуй от меня пока.

Иди с улыбкой в переулки,
Качая кроны тополей,
Но поперёк моей прогулки
Вставать до времени не смей.

1997

• • •

В. О.

Ты бушевал в горячих спорах,
Перебегая рубежи
Таких сомнений, о которых
Не знали многие мужи.

Но там о нежности жалея,
Вновь возвращался по кривой
Туда, где тощая аллея
Идёт вдоль мокрой мостовой.

1997

Десять лет спустя

Вновь я посетил...

Стареем, брат, а те берёзы
Всё так же ветрено шумят,
И так же западные грозы
Косыми вспышками гремят.

И буря пылью столбовую
Перед дождём клубит вдали.
И наше пёрышко рябое
Не долетело до земли.

1997

• • •

Алёне

Она ушла в такую даль,
В какую я и не смотрел,
Где сквозь ненастную печаль
Лишь для нее огонь горел.

Мне оставался только взгляд,
Улыбка, жилка на виске.
Я подступался наугад
И повисал на волоске.

Ночь только-только началась,
А мы сидели по углам:
Она молчала, затаясь,
Я разбираю карманный хлам.

Что ж, в полутёмной городской
Квартире много и того —
Задеть нечаянно рукой
Совсем другое существо.

Она хранила свой секрет,
Непроницаемо мила,
Когда я объявил рассвет,
Она меня не поняла.

1997

Три письма

1.

Бывает так: бессмысленно, нелепо,
Какие-то бесформенные тучи,
И одиноко так, как будто в жизни
Всё лучшее прошло, осталось только
Привычное хождение за водой.

И я иду к источнику, под горку,
А там, набрав воды, взвалив на плечи
Немного тесное в изгибах коромысло,
Я начинаю подниматься вверх.
Вначале быстро, суетно, плеща
Водой; с травы высокой в вёдра
Летят соцветья, зернышки, жуки.
Но к середине трудного пути
Я обрету тот нужный ритм, в котором
Легко идти, не потеряв ни капли,
Идти домой.

2.

Поставив вёдра, вспоминаю, как ты
Возилась с можжевельником, как я
Сердился отчего-то, и тогда,
Ты помнишь, мы увидели гадюку,
Она ползла вдоль грядок, и ботва
Над ней оцепенело шевелилась.
До этого здесь змей не замечали.

И ты уехала, назвав грехопадением
Всю нашу жизнь счастливую, а я,
Я понял, как грешно бояться змей,
Неинтересно, глупо и грешно
Быть искушённым прежде искушенья,
Меня избранное первородство
На общий смысл всеобщей суеты.

Зачем нам знать, какие там дороги
До нас топтали люди? Примерять
Чужого опыта нескромные одежды?

Я выхожу с корзиной в огород
И вижу поле, реку, облака
Достойные, чтоб видеть их впервые.

Но снова память о твоём отъезде
Меня толкает в главные герои
Истории, подобной слишком многим
Историям, какими так нелепо
Наполнен мир.

3.

А осень плодоносит на миру,
Лишь наспех подстелив себе рогожу
Из спутанной травы, опавших листьев.
Ты помнишь яблоню у дома? Как-то
Я, поднимаясь из гостей, гляжу —
По склону наши яблоки бегут.
Знать — «яблочко от яблони...» — неправда
Для наших мест. По окружным лесам
Охотники гремят, но их добыча —

Грибов корзина, гроздь рябины красной.
Они с дарами этими зашли
Ко мне, спросили, как тут без хозяйки,
Я им ответил как, но дело в том,
Они другого будто ждали, будто
Они надеялись увидеть здесь тебя.
Охотники бог знает из каких
Краёв. Всю ночь мы просидели
За разговорами, но я не мог понять,
Что привело их. И они не знали.

.....

Я знаю, наша очередь пришла.

Я знаю, нам не будет передышки.
И нежность потихонечку осядет,
Оставив чистый — скажешь ты: холодный! —
Но нет — неостывающий родник
Совместной жизни. Так войдем в него
Без колебаний, прямо, смело.
А это лето, эту осень вспомним,
Как сладостную слабость остановки.
Ночей всезвездных тонкий холодок,
И яблоки, и старых прихожан
Всесвятской церкви. Но воспоминанья
Не сердцу на томленье, а душе
На утоленье в засухах житейских
Пускай придутся.

1997

Восточно-европейский диван

1. Чужая земля

Огоньки горят по степи,
Жгут табак и ковровый лён.
Что-то холодно, но терпи:
Холод прошлого не утолён.

Люди, люди, зачем вы здесь,
Так живёте, в такой ночи?
И зачем я, глотая спесь,
Подбираю в ночи ключи?

Я ведь знаю, что тех дверей
Не открыть, их и вовсе нет.
Отчего говорю: скорей! —
Только шорох лова в ответ?

Оттого ли, что в здешней мгле
Ухожу от своей судьбы,
Припадая к чужой земле,
Чьи законы ко мне слепы?

А земля ещё горяча,
Не остыла от тех веков,
Что любили её, топча
Полумесяцами подков.

2. Аллах простит шофёра

Ты не будешь обделён и на бороздку
Финиковой косточки, когда
Ветер разобьёт твою повозку
И осколки унесёт вода.

Ты людей не убивал, не грабил,
Нож носил — а кто не носит нож?
Но дыханье жизни не ослабил
И теперь по праву отдохнёшь.

Там, за гробом, ласковые пери
Пальчиками голову потрут,
Чтобы не вошли, закроют двери
И к тебе пойдут, когда запрут,

И одежды ножками согласно
Переступят, распахнут покров...
Крикнул бы: «Мгновение прекрасно!» —
Но не знаешь, к счастью, этих слов.

Тот же, кто слова прекрасно знает,
В комнате задымленной своей
Строки по крупицам собирает,
И не ждёт от мира новостей,

Не избегнув страшного позора —
Сомневаться, маяться и знать...
Потому Аллах простит шофёра,
А другому надобно дерзать.

3. У дороги

По дороге машина едет,
Вдоль дороги шашлычный дым,
Завиваясь в колечки, светит
Нежным отсветом золотым.

И сидит человек на пороге
У открытых дверей чайханы
Так спокойно, как будто боги
Ничего ему не должны.

Он водил себя по пустыне
Сорок однообразных лет
И сподобился не святыни,
Но барашка с вином на обед.

«Марфа, Марфа, почто так много
Суетишься, поди ко мне.
Нынче так хороша дорога», —
Говорит человек жене.

4. Поезд

Холодно ночью в пустыне.
Есть ли тут кто живой?
Духи сидят на куртине,
Жёсткой шуршат травой.

Вот проезжает поезд.
Друг друга заткнув за пояс,
Духи летят за ним,

С воплями, гиканьем, лаем,
К окнам льнут: замерзаем!
Скоростью поезд храним.

Поезд по рельсам стучит,
Мерно качает вагоны,
Что там — посвисты, стоны,
Жалобы бесонид.

«Ночь хороша, безмолвна,
Низко летит луна, —
Скажет Евгения Львовна,
Глядя в провал окна, —
Как огоньки плотоядны!
(Духи отправились спать),
Помнишь? — «в ночи непроглядной
Кра́дется, яко тать...»

Что вы, Евгения Львовна,
Вам ли страдать о том,
В вашем огне любовном
Все, как в «нощи», пропадём.

5. Песня певца

Эх, вино не мое — домашнее,
Что течешь по столу под стол? —
Мне бы солнце мое вчерашнее,
Да сегодняшний произвол.

Спой мне, девочка, спой, ленивая,
Быть внимательной не жалея, —

Как закончилась доля львиная
Посреди казахских степей.

Спой о странах, где звезды южные —
Самарканд, Бухара, Хива.
Спой, какие мы люди нужные,
Я поверю, что ты права.

В деревянной корчме татарина,
Здесь, на самом краю земли,
Полушубочек русского барина
Жаркой музыкой расстели.

А вино не мое — домашнее —
Все течет по столу под стол,
Мне бы счастье мое вчерашнее,
Только я далеко ушел.

6. Пророку

Расходуй то, чем наделён,
И больше не проси у Бога.
Неблагодарен небосклон,
Но для тебя и это много.

С огнем блуждая по стране,
Не говори, что путь твой тёмный.
И на вершине и на дне
Мир одинаково бездомный.

Смотри на малые черты
И раскрывай их безучастным,

И, может, счастлив будешь ты,
Но лучше быть тебе несчастным.

Ведь ты пророк, и боль свою
Люби, она тебе порука,
Что ты у бездны на краю.
Ропщи, насколько хватит духа.

7. В Ташкенте

«Не спеши, присядь, послушай:
Люди добрые поют.
Ты им брат, ты их не хуже,
Просто не нашёл приют».

«Всюду жизнь: тепло и холод,
Нисходящие круги.
Всюду город, тот же город
И возлюбленной шаги».

Апрель, 1998

Прощание с тенью

1.

Ничто тебя отныне не спасёт.
(И нужно ли тебе теперь спасенье?)

Застав меня среди моих забот,
Ты выразил, прощаясь, сожаленье,
Что я, увы, давно уже не тот.
Да, я не тот, и каждое мгновенье
Не тот, что был мгновение назад.
Как в зеркале разбитом отражаясь
Частями и частей своих пугаясь,
Я вывожу осколки на парад!

Но если б проследил ты жизнь мою,
Ты уловил бы целое. Однако
Судьбы моей ты не зевака.
За это я тебя благодарю.

2.

В твоём отсутствии сильнее сгустилась тьма.
Ты не был светочем, но в каждом человеке,
Нам близком, мы таим надежду
На то, что скоро кончится зима,
На то, что не одни мы в этом веке,
Придя домой, кладём свою одежду
На стулья, на пол, как попало — так,
Чтоб чужаку мерещился бардак,
Чтоб он оставил мысли появляться

В священных наших мастерских,
Холодной дружбе удивляться,
О склянки яда спотыкаться
И муз разглядывать нагих.

3.

Ты одинок, ты можешь взять билет
И выехать в привычном направлении
На родину, которой больше нет,
Затем что невозможно возвращенье.
Но этот путь! — Знакомые снега,
И в них душа, пока я сплю, увязнет.
Там жизнь ещё пуста и дорога.
Пиши, пока огарок не погаснет,
Пиши о благородстве, о любви,
О том, как мы братались на крови
Самоточёными ножами,
И как по соснам поезда
Проходят, полные огнями,
И пропадают навсегда.

4.

Ты понял замысел? Смотри:
Вот парк, покрашена скамейка,
Плывут, как рыбы, фонари,
Но где-то быть должна лазейка
Туда, за темноту кулис,
Куда уходят все актёры,
Но их не вызовешь на бис.
Утихли страсти, разговоры

О том о сём, и только ты
На память лучшие репризы
Без выраженья повторишь.
Немного в жизни красоты.
Горят, как свечи, кипарисы.
И ты безверием соришь.

1999

Тайная вечеря

Вокруг стола на низких топчанах,
Накрытых наскоро бордовой тканью,
Они легли. Ещё шумел в ушах
Прошедший день, ещё рукой — не дланью —
Учитель передал кувшин вина.
Они лежали, вспоминая сонно,
Как люди шли, как плакала жена
Прозревшими глазами, изумлённо
Хваталась за одежды, а они
Ей говорили: «Это наш Учитель!»
Но детства их заканчивались дни:
Последняя спокойная обитель,
Потом они по миру побредут,
И каждый сам, одолевая робость,
Расскажет все, что он увидел тут,
Узнает боль, насмешки, твердолобость.

О том они не ведают пока.
Весенний вечер. Над Иерусалимом
Открылось небо звёздное. Легка,
Окутана неясным светлым дымом,
Порхнула птица. Факелом солдат
Махнул туда, где — будто показалось —
Звериные глаза во тьме горят.
Но время шло, ничто не повторялось.

«Преломим пасху. Знаете, друзья,
В последний раз земного винограда
Я пью вино, пришла моя стезя

К невиданным вратам Отцова Сада.
Но перед тем... Так знайте же, из вас
Один меня предаст, пока мы ели,
Он эту мысль, как серебро, припас».
Апостолы, волнуясь, зашумели.

Спаситель продолжал: «Предрешено
Все, что со мною будет, но воздастся
Тому, кто уточнил, как быть должно,
И лучше б ему было не рождаться».
И каждый вопрошал: «Ужели мне
Такой удел?» — Иисус им не ответил.
Иуда вышел и исчез во мгле.
Никто его ухода не заметил.

1999

• • •

Тенистой Гатчины домовладелец...

И. Северянин

Я доверял своей звезде.
Февраль тогда немного таял.
Я жил, как ранее нигде
И никогда так жить не чаял:
В халате к креслам выходил,
Курил до утреннего чая,
И память, стёртую до дыр,
О прошлой ночи вопрошая
Без сожалений и стыда...

А ты, одна из горожанок,
Ждала весну, боялась льда,
Стыдилась вычурных ушанок
Своих беспечных земляков,

Когда почти под руку шли мы
И были вихрем мотыльков
К ночному парку относимы,
Ты выправила путь. Постой!
Скажи о том, как Гамлет русский
Тут прожил век свой золотой
Под золотою трясогузкой;

Скакали мимо рвов гонцы
В мундирах злых, не по морозу,
Несли в медвежьи концы
Указ, печать или угрозу;

И капал плавленный сургуч
На белый снег, скрипели сани,
Гонец глядел в разрывы туч
И улыбался под усами.

Скажи, как фрейлина ждала,
Всю зиму сидя у окошка,
И драгоценного тепла
Темнеет на стекле ладошка.

Тепло осталось, свет погас,
И наступила полночь века,
И нам уже не видно глаз,
Нам нужно слышать человека.

Так не молчи и не таи,
Скажи хоть как-то, ненароком,
Но только чтобы о любви.
И в этом небе невысоком.

1999

• • •

Сентябрьский узкий сеновал
В снопах негреющего света.
Кто тут прекрасно прозябал
Запомнит все-таки не это,
А парохода дальний рёв,
И стон, и слабое признание,
И увеличенных зрачков
Почти влюбленное мерцанье.

1999

Странники

Скажем поутру: спасибо,
И увидим дальний лес —
Тёмной шерстью вдоль изгиба
Неуступчивых небес.

Вот и он. Забыв напасти,
В голенище спрятав нож, —
Не от холода, от страсти
Нас пронизывает дрожь.

Снег, разбитая дорога,
Корка хлеба, кислый квас.
Только книги, книги Бога
Успокаивают нас.

1999

Ласточка

В порханьях чудная жена,
Тесна в груди и домовита.
Бог знает, чем увлечена,
Но в увлеченьях плодовита —

То натывается на ствол,
То камнем падает с утёса,
То раздувает, как камзол,
Дощатой мельницы колёса,

А то промчится сквозь ушко,
Когда земля гудит от яблок;
Уходит в небо глубоко,
Как в море парусный кораблик.

Но напоследок, так и быть,
Из озорства и грусти тайной
Она решится прочертить
Над прудом круг документальный.

И вновь всё сходится на том —
Любовь, тоска, судьба слепая, —
Черпнёт ли ласточка крылом,
Над тёмным омутом летая.

1999

Ольге Нечаевой

*Дружбу и приязнь мы получили от Бога,
а литературу и критиков придумали себе сами.*

Пушкин

Скоро одиннадцать лет, как по волнам бумажного моря
Странствует наш «Алконость», то скрываясь в пучине, подобно
Лодке подводной, то вдруг появляясь наружу, облеплен
Ракушкой донной, поросший кораллами, склизкой травой.
Их соскребать труд нелёгкий, а все мы, ты знаешь, ленивы.
Дай же ответ мне, покуда, раздевшись, одежду мы сушим, —
Разве не лучше поставить наш парус на ветер попутный,
Весело плыть, салютуя из пушек корабликам встречным
(Парочку их затопить, я думаю, грех невеликий).
Как это сделать? Скажу — нужно в гавани, где мы известны,
Новых матросов набрать, молодых и до драки охочих,
Цепких, как обезьяны, ещё не истраченных спиртом.
С ними и плыть. А от нас уже толку немного.
Будем на палубе греться, предавшись своим размышленьям,
А на закате споём недурными ещё голосами.
Пусть саблезубый зоил воскликнет: что там за люди —
Складно поют и корабль у них движется справно.

2 июля 2000

А. Тиматкову

Первый осенний день.
Друг, дорога, Ока.
Даль полей, деревень.
Ровный свет, облака.
Тише грядущих вьюг
Треск степной саранчи.
Ей не лететь на юг,
Пой же, душа, бренчи! —
Как холодна вода,
Как засыпает мышь
Сладко на дне гнезда,
Сверху шумит камыш.

Пой о зиме — о том,
Чего не увидишь ты,
Как покроются льдом
Возле реки кусты.
Пой о том, что за ней —
Рад ты тому, не рад —
Как на ветке твоей
Твой запоет собрат.
Это не благодать.
Жизнь на степном ветру.
И нужно ее оправдать
К завтрашнему утру.

2000

• • •

Ни счастья, ни свободы, ни судьбы,
Нательный крест у родника потеряян,
Жизнь поднимается от страха на дыбы,
И куст выходит на дорогу зверем.

Колотит сердце о грудную кость.
Так арестант, услышав из-за двери
Какой-то шум, не зная, что стряслось,
Колотит, оживая в новой вере.

И смерть проходит мимо, приглушив
Свои шаги, ключи за пояс пряча.
Ей не с руки того, кто слишком жив
Тащить в страну безмолвия и плача.

2000

• • •

К полночи отчаянье тепло
Подтолкнёт ладошкой шестипалой, —
Выхожу — и птица тяжело
От Большой Медведицы до Малой
Пролетит и сядет на шесте
Над гречишным белотканым полем,
И подскажет кто-то в темноте:
«Ты утешься, мы ведь не неволим,
Всё безосновательно, матрос,
Жизнь твоя разболтана донельзя,
Слишком человечинной оброс,
Напоследок мужеством налейся —
Ты ведь сам ворота отворил!
Ты ведь сам в мои потёмки вышел!»

Голос очень тихо говорил.
Я и половины не расслышал.

2000

Самозванец

В последнем у заставы кабаке,
Где до Луёвых гор рукой подать,
Коптится котелок на огоньке,
Подумай на прощанье: благодать.

Жизнь набело писаху, зачеркнуть
Всю гладкопись, оставить темноту
И, губы утерев, продолжить путь,
Сказать: люблю, и уточнить: не ту.

2001

Венеция

Ты говоришь, что жизнь прошла?
Она к тебе ещё не приходила.
А! — вот пришла! Какого же рожна
Ты не бежишь встречать? — За ней могила.

Могильный холмик миром окружён.
Но ты вошел в означенную сферу
Под колокольцев лёгкий перезвон.
— Ямщик, пошёл! — кричишь ты гондольеру.

2001

• • •

Шел пароходик по реке,
Точнее так: гулял по свету.
Сидел на палубе рыбак,
Курил, дремал, листал газету.

Был август. В северных лесах
Росли грибы, цвела морошка,
Везли охотники собак,
И небо хмурилось немножко.

Да, небо хмурилось слегка,
А после будто перестало,
И время несколько страниц
Над рыбаком перелистало.

Он встал и выбросил за борт
Рюкзак, червей, газету, снасти,
Шагнул за ними, и винтом
Его разрезало на части.

Газету выловили, но
Она размокла и раскисла.
Я молод был и говорил:
О! не ищите в этом смысла!

Я слышал колокола звон,
И Ангел Смерти над кормою
В холодных брызгах прилетал
Не за покойником, за мною.

Он не намного опоздал,
Когда от внутренних истерик
Я, отказавшись, поглядел
На приближающийся берег.

И говорил себе: остынь,
Прошла любовь, проходит лето...
Как вена вздутая, река
В лучах поблескивает слепо.

2002

• • •

Как много дней провальных позади,
Просвищенных бездельем, неудачей,
Работой скучной, но необходимой,
Тоскливой нелюбовью, коридором
Многоэтажного большого общежития —
Все в поисках того, кого там нет.
И вот, гляжу на книжку. Десять лет
Я сочинял, и, кажется, стихами
Затянуты пустоты, но я знаю,
Как много дней провальных позади.

2002

Паук

Не ветер воет — дождь идет.
Паук-гонец, пыля ногами,
Бежит по воздуху вперед...
Когда-то белыми ночами
Я наклонялся над листом,
Стучал в окно далекий поезд
В своем разбеге холостом;
От твоего халата пояс
Висел на кресле; ты, скользнув
В ветвистый сад июньской ночи,
Терялась, глазом не моргнув,
Но находил я путь короче.

А нынче, желтое надев,
Сидишь, и между нами пропасть.
Ее прорезали не гнев,
Не безразличие, а робость
Оставить берег, что трудом
Отъединенья отвоеван
У счастья прошлого, а льдом
Привычки будущей не скован.
Тем эта яма на испуг
Берет, и черти кажут рожки.
Но пробежал над ней паук
По нам невидимой дорожке.

2002

Отрывок

Видишь, я один перед Тобой.
Но и Ты один передо мною.
Ангел ли покажется с трубой,
Возопит сосед ли за стеною,
Так и будет. Но теперь гляди:
Я сижу, я думаю, я болен,
Сотни нитей спутано в груди,
Ты же, как и прежде, произволен...

2001

• • •

В тот час, что сам себе назначил
Внутри квартиры городской,
Я самоизлечение начал
Души, измотанной тоской.

И тут же в ясности весенней
Приметил облако — оно
Как раз для моего спасенья
Недостающее звено.

Но слишком скоро я поверил,
Поторопился на простор,
И ветер облако развеял,
Как будто зеркало протёр.

2002

Майская ночь, или Утопленница

Кричат лягушки над Днепром.
Какое дивное болото —
Покрытых ряскою хором
На несколько часов полёта
Варягов к грекам и назад.
А тут комочками тумана
Речные бабочки кружат
Над головой твоею, панна.
Ты как-то всё-таки жива,
Плетёшь венки, слагаешь песни,
Но всё печальнее слова.
Сама печаль всё бессловесней.

2002

Петров день

Из-под горы течёт родник,
И ты водой его умылась
И разрумянилась на миг,
Будто украдкой помолилась.

А на горе, где Божий храм,
Среди икон и свеч зажжённых
Открыты бешеным ветрам
Старухи в острых капюшонах.

Мой ангел! нынче небеса
Так глубоки и благосклонны,
Ещё крестьянская коса
Не брила ягодные склоны.

Пойдём! Сегодня день Петров,
И лето, стало быть, на пике.
Не опоздать бы до косцов
Наесться вдоволь земляники.

Пойдём. Когда-нибудь и мы
Поднимемся на эту гору
Не оглядеть вокруг холмы,
А внемлеть ангельскому хору,

Превыше верхних облаков,
Превыше светлого эфира...
Но я сегодня не готов
Переступить красоты мира.

1997

Родник

Едва дошли до родника.
Палимы зноем шли по полю.
Ни деревца, ни ветерка,
Горело солнце над тропею.

Шли так, как стоило идти,
Как и должны идти в июле.
А солнце жгло, и с полпути
Едва назад не повернули.

Земля растрескалась, как лед.
И зерна, будто из жаровни,
Треща, взлетали. Шли вперед.
И с каждым шагом все бескровней,

Упрямей, суше становясь.
Дошли. Увидели в овраге
Лишь подсыхающую грязь
И темный след ушедшей влаги.

Над ними возвышалась ель,
В лохмотья пряча позвоночник,
В ее корнях чернела щель,
Откуда раньше бил источник.

Он наклонился, заглянул.
В порыве мрачного веселья
Он закричал — бесцветный гул
В ответ наполнил подземелье.

Она глядела на него
Ни слез отчаянья, ни страха,
Ни отвращения — ничего.
Сухая горсть земного праха.

2003

Записки из Трансильвании

1.

Весна по эту сторону Карпат
Обрушилась на нас, как водопад.
Мы ехали по рекам на коляске,
Возница был, как водится, горбат,
В тугом плаще и чёрной полумаске.

Он погонял коней во весь опор,
Витийствовал, как венский дирижёр,
Крутил кнутом, безумием объятый,
И, веришь, посреди лесистых гор
Был слышен гул симфонии Девятой.

Как будто мы, минуя сотни мест,
Въезжаем в симфонический оркестр,
И занавес, обозначая вечер,
Нас отделяет от других небес,
Где белый всадник мчится нам навстречу.

Качала ночь татарника ботву —
За правдой будто ехали в Орду,
А не за честным опытом на запад.
Ещё в Адриатическом порту
Моряк сказал, указывая за борт:

«Вот земли христиан, монастыри,
Где колоколом будят до зари,
Идут по узкой тропке на обедню,
А там, туда ты лучше не смотри, —
Там первый день походит на последний».

2.

На деле оказалось всё сложнее.
Я вижу двор из тёсаных камней,
Ведро, колодец, старая подвода,
И железяки ржавые на ней
Времён ещё крестового похода.

Тут юность неприкрытая моя,
О чём-то неторжественном моля,
Под молодыми соснами проходит,
И где к воде спускается земля,
Гудит отход вечерний пароходик.

Тут девушка, признаньем смущена,
Забудет на минуту, что она
Совсем иначе думала о счастье,
Но этот миг запомнила стена
Затерянной в глуши военной части.

Взмахни рукой и вспомни тот залив,
Где совершил впервые ты заплыв
В прелестный грот, тобой открытый в скалах,
Палатку на песке, корзину слив,
И ворох эротических журналов,

И нимфу, что листала их, смеясь.
Судьбою не замеченная связь,
А как опасно за душу запала —
Так огонёк, по лужицам висясь,
Однажды доберётся до запала...

Прощай и ты, невестная весна,
Дай Бог тебе добраться дотемна

На твой святой балтийский полустанок.
Прощайте же, плывите в область сна,
Где шпаги звон и свист тачанок.

3.

Видение другое: тишина,
Холмами очарована страна,
Проехали селяне на покосы,
Купается в реке моя жена,
И я гляжу, как намокают косы.

Вершина жизни ослепила нас,
И сил таких я чувствовал запас,
Что мог бы прямо, как в лицо собрату,
Глядеть на солнце, не скрывая глаз,
Пока оно не склонится к закату.

Так мастеращий крылья человек
Заранее уже глядит наверх,
Без вызова: мол, скоро я там буду —
Он там давно, ещё не взят разбег,
А он летит и нам кричит оттуда.

В то лето я выстраивал свой дом.
Хотя жизнестроители с трудом
Постройку и сараем бы назвали,
Что было мне печалиться о том,
Я мог с женою жить на сеновале.

Но не она со мной. Хотя тогда
С неё текла студёная вода,
И верил я, махая покрывалом,

Что и молитва чистая всегда
Заканчиваться будет карнавалом.

Ходил счастливый, к вечеру устал.
На небесах в тот час никто не спал,
И Божий гнев, пройдя по всей орбите,
Обрушился на этот сеновал.
Благодарю! Архангелы, трубите.

Четыре года рваного пути
По ямам Трансильвании. Прости,
И я пойду — мне поздно обольщаться,
Что было сожжено в Твоей горсти,
А память я убил как святотатца.

2002

Лечебница «Муравский шлях»

«Муравский шлях» — законченное дно.
Кровати, как кольчуги из колечек.
Но защищаться тут запрещено.
*«Для медицины каждый человек
Лишь мальчик или девочка. Увы —
В штанах таится полная разгадка
Беспочвенных стремлений головы».*
В конце записки подпись: *Шоколадка.*

Так называли дурочку, она —
Случайная невольница больницы —
Была сюда грозой приведена,
А шла в обитель, старцам поклониться.
Ей объяснили, что такое плоть,
И провели по узким лабиринтам...
*«Прощай, несостоявшийся Господь!
Ты не воскрес в издании репринтном».*

Больница на крутом стоит холме,
Не легче, чем подняться на Голгофу, —
И лезут же сюда в своём уме,
Чтоб пережить позор и катастрофу.
Но женщинам обратно есть пути.
Откроют дверь, отнимут полотенце,
И Шоколадка дальше по степи
Отправится, держа в руках младенца.

2002

Что за станция?

Что за станция? Свет в окне,
Рассветает уже почти,
Женский голос сказал в тишине
О каком-то седьмом пути.

2003

Шмель

Поздний шмель в станционном цветке
Тянет медленно каплю со дна.
Лето стало в последнем глотке
Слаще меда, хмельнее вина.
Он теперь не спешит никуда —
Клейкой пробкой заткнули гнездо.
Все: закончилось время труда
Наступает пора холодов.

Есть ли в жизни подобный предел? —
На тетрадь положить кольцо,
На неведомый черный пробел
Обратить без тревоги лицо,
В тишине нераскатанных гроз,
Недожитых — зачем?! почему?!
Шмель последнюю каплю понес.
Посмотреть бы куда и кому.

А сезонный работник один
В привокзальном буфете сидит,
Перед ним запотевший графин,
Он сейчас отопьет и решит:
Что же дальше? Большая зима
Впереди, от нее не уйти.
Жизнь проходит, но как-то сама —
Напролом и не знает пути.

2003

• • •

Всю ночь на северном окне
Дрожала занавеска.
Я задремал, и снилось мне,
Как шла моя невеста,
Простором жизни смущена,
Сквозь ясный, зимний полдень...
Проснувшись, занавесь с окна
Я пальцами приподнял.
Дул ледовитый океан,
Холодный властный разум,
Сметая пиршество полян,
Срывая листья наземь.
Пришел на землю строгий пост,
В извечный путь направил
И небо выяснил до звезд
И скинию поставил.

2003

• • •

Из окна моего только поле.
Поле черное, черный горб.
Это воля моя — неволя,
Мой тупик и простор для проб:
Вдоль прошелся — лесопосадка,
Вниз спустился — овраг, река.
Но зато какая площадка
Для ухода за облака.

2003

Ягненок

Все посыпано густо полынной солью.
Мы искали ягненка, не пришедшего к стойлу.

Мальчик, девочка, мальчик под темнеющим небом,
Запаслись мы мечами, а девочка хлебом.

Может, он заблудился в деревне? Едва ли.
Мы за реку в сырые луга побежали.

Мы увидели цаплю в багряных болотах,
Мы увидели крысу на старых воротах

У заброшенной фермы, и дверца скрипела,
Открываясь в тот мир, где не видно предела

Запустению, скорби, мольбе и утратам,
Где не каждый закат называют закатом.

Мы в нее заглянули, петли всхлипнули тонко...
Мы потом уже шепотом звали ягненка.

А в лесу, будто все наши ночи чернели,
Но пока их держали передние ели.

Мы взбежали на холм и назад оглянулись,
И деревни огни чуть заметно качнулись,

Там петух не кричит, и собака не лает,
Словно это корабль в тишину отплывает,

Отплывает без нас! Нас оставили в спешке!
Мы с бугра покатались, как с ладони орешки

В молоко, в ивняковые хлопья тумана,
Сквозь холодное пламя речного бурьяна.

Мы терялись, сжимались от боли испуга
И впервые по имени звали друг друга.

А ягненок, с которого путь начинался —
Он нашелся без нас. Может быть не терялся.

2003

Содержание

«Ты говоришь, что тигр есть Тигр...»	6
Отцы	7
Попутчик	9
Где-то	11
«Скрипят железные ворота...»	12
«Ты бушевал в горячих спорах...»	13
Десять лет спустя	14
«Она ушла в такую даль...»	15
Три письма	17
Восточно-европейский диван	
Чужая земля	21
Аллах простит шофера	22
У дороги	23
Поезд	23
Песня певца	24
Пророку	25
В Ташкенте	26
Прощанье с тенью	28
Тайная вечеря	32
«Я доверял своей звезде...»	34
«Сентябрьский узкий сеновал...»	36
Странники	37
Ласточка	38
Ольге Нечаевой	39

«Первый осенний день...»	40
«Ни счастья, ни свободы, ни судьбы...»	41
«К полночи отчаянье тепло...»	42
Самозванец	43
Венеция	44
Шел пароходик по реке	45
Как много дней провальных позади	47
Паук	48
Отрывок	49
«В тот час, что сам себе назначил...»	50
Майская ночь, или утопленница	51
Петров день	52
Родник	53
Записки из Трансильвании	55
Лечебница «Муравский шлях»	59
Что за станция?	60
Шмель	61
«Всю ночь на северном окне...»	62
«Из окна моего только поле...»	63
Ягненок	64

дизайн серии и макет:

С. Труханов

корректор:

И. В. Шаховцева

редактор серии:

А. Переверзин

книга издана при участии А. Коровина

издательство «Воймега»

e-mail: voymega@yandex.ru

отпечатано в типографии ООО «Гаммацентр»

На момент выхода этой книги мне тридцать один год. Возраст не самый удачный для появления первого сборника – на молодость ссылаться поздно, а что такое зрелость – до сих пор не знаю. И все же, думаю, сейчас лучше, чем когда-либо еще. Почему? – это долго рассказывать.

Стихи, собранные здесь, охватывают последние пять–семь лет моей жизни. Они и являются настоящей автобиографией. А эти слова на обложке все равно упрутся в обложку какой-то другой книги. Могу пожелать им только почаще выбираться на воздух.

всеволод константинов всеволод константинов всеволод константинов все
ой путь • седьмой путь • седьмой путь